«солнце», *гьури* «ветер», *цIва* «звезда» и т. д.), многочисленные глаголы, имена прилагательные, местоимения и т. д.

В аварском языке в целом выделяются следующие функциональные стили: разговорный стиль, нейтральный стиль и книжный стиль, соответственно выделяется и лексика, которая употребляется в этих стилях.

Среди лексических единиц, употребляемых в разговорном стиле, в свою очередь, принято выделять разговорную лексику, просторечную лексику и грубо просторечную, хотя, нужно заметить, что между этими группами слов не всегда можно установить резкую границу.

1. Алексеев М.Е., Атаев Б.М., Магомедов М.А., Магомедов М.И. и др. Современный аварский язык. – Махачкала: ИЯЛИ ДНЦ РАН, Изд-во АЛЕФ, 2012. – 420 с.
2. Магомедов М.И. Генетическое родство дагестанских языков (исконная лексика) // Вестник ВЭГУ. Филология. – № 3. – Уфа, 2009. – С. 48–54.
3. Магомедов М.И. Исконная лексика дагестанских языков // Актуальные проблемы общего и кавказского языкознания. Материалы Международной научной конференции 13–15 мая 2010 г. – Махачкала, 2010. – С. 170–171.
4. Магомедов М.И. Лексика – национальное богатство народа // Очерки по лексике литературных языков Дагестана. – Махачкала, 2014. – С. 3–17.
5. Саидова П.А., Магомедов М.И. Лексика аварского литературного языка // Очерки по лексике литературных языков Дагестана. – Махачкала, 2014. С. 18–83.

Матвеева И.И.

Два Юшки: Андрей Платонов в поисках положительного героя

*Московский городской педагогический университет
(Россия, Москва)*

doi: 10.18411/sr-10-12-2020-22

idsp: sciencerrussia-10-12-2020-22

Аннотация

В статье исследуется семантический, автобиографический и историко-литературный контексты одного необычного имени, которое несколько раз встречается в произведениях Платонова разных периодов. Автор статьи рассматривает этимологию имени Юшка, анализирует рассказы «Юшка», «На заре туманной юности», переписку Платонова, погружается в историко-литературную ситуацию 1930–1940-х годов, связывает ее с идеей анализируемых произведений. Вопреки распространенному мнению о том, что рассказ стал откликом Платонова на статью А. Гурвича, автор считает, что рассказом «Юшка» Платонов отвечал многим критикам. В рассказах, составляющих по мнению автора дилогию, Платонов представил идеального героя эпохи и образец отношения критики к писателю и человеку.

Ключевые слова: ономастика, семантика имени, дискурс, дневники, эпистолярный, Демьян Бедный, литературная ситуация 1930-х годов.

Abstract

The article describes the semantic, autobiographical, historical and literary contexts of one unusual name, which is discovered several times in the creative works of Andrei Platonov of different periods. The author of the article examines the etymology of the name Yushka, analyzes the stories “Yushka”, “At the Dawn of Hazy Youth”, Platonov's correspondence, plunges into the historical and literary situation of the 1930s – 1940s, connects it with the idea of the analyzed works. Contradictory to the widespread belief that the story “Yushka” was Platonov's response to A. Gurvich's article, the author believes that Platonov answered many critics with this story. In the stories, which, according to the author, constitute a dilogy,

Platonov presented the ideal hero of the era and an example of the attitude of criticism to the writer and man.

Key words: onomastics, semantics of a name, discourse, diaries, epistolary, Demyan Bedny, literary situation of the 1930s.

Андрей Платонов – писатель, приведший в русскую литературу особый тип героя – чудака и юродивого, странника и философа. О героях Платонова написано большое количество работ, где персонажи рассматриваются в разных ракурсах, например: [6, 8, 10, 16, 11]. Цель настоящей статьи – проследить семантический, автобиографический и ситуационный контексты персонажей Платонова, носящих имя Юшка, прояснить их идейное содержание.

Платонов тщательно обдумывал имена своих персонажей, о чем свидетельствуют его записные книжки, в которых много места отводится ономастике. Платоновские персонажи часто имеют необычные имена, клички и фамилии: Чульдик, Епишка, Ерик, Клобзд, Чепурный, Пиюся, Луй, Мандрова, Мошонков, Калабашкин, Пупс, Дерьменко, Лупердень и т. д. Эти имена могут указывать на социальное происхождение персонажа (Чиклин, Копенкин, Пашкин), или отражать сатирические интенции писателя. Но всегда они имеют спектр значений, создающий комплекс условий для понимания характера героя. Рассмотрим под этим углом зрения имя Юшка.

Юшка – сокращенное имя Юрий, а также Ефимий (Евфимий). Такая форма имени существовала еще в XVII веке. Так, Григория Отрепьева, настоящее имя которого Юрий Богданович, в грамотах той поры называли Юшкой. Интересно, что вплоть до революции 1917 года имена Юрий, Георгий и Егор отождествлялись. Все эти формы имени встречаются в произведениях Платонова разных лет. Например, в повести «Город Градов» (1927) упоминается святой Евфимий-ветхопещерник, в романе «Чевенгур» (1929) есть болезненный персонаж по имени Юшка, в рассказе «На заре туманной юности» (1938) второй по значимости образ – мальчик Юшка. Имя Георгия получил инженер из повести «Хлеб и чтение» <1932>, отчество Ефимыч Платонов дал героям «Рассказа о потухшей лампе Ильича» (1926), чевенгурцу Степану Копенкину, герою хроники «Впрок» (1930) Семену Кучуму. Имя Юшка встречается в переписке Платонова 1940-х годов, а в архиве Платонова обнаружен фрагмент рассказа «Юшка, любитель России» [8, с. 36]. Но наиболее известен Юшка из одноименного рассказа <1938>.

Имя героя подобрано на редкость удачно, поскольку реализует идею ««сокровенного» слова, которое фиксирует “резонанс” человека с миром» [16, с. 291]. Оно эмоционально, фонетически насыщено, имеет сложную семантику, что отвечало художественной задаче писателя.

Прежде всего отметим демократичность имени, которое образовано в рамках русской традиции давать уменьшительно-ласкательные имена детям и близким людям: Марьюшка, Евросиньюшка, Варюшка, Мотюшка. Таких имен в прозе Платонова большое количество. Прибавление уменьшительно-ласкательного суффикса и окончания (-юшк-а) к имени персонажа в художественном мире Платонова переводит героя в разряд малых, беззащитных, придает ему народность и одновременно детскость. В то же время имя в виде *самостоятельной финальной части слова* лишает персонажа статуса героя, порой даже индивидуальных, делает «прочим», одним из многих (Юшка в романе «Чевенгур»).

Отметим, что в словаре В.И. Даля имя Юшка не зафиксировано, но приведено слово *юшка* и слова со сходной производящей основой: *Юшка* (от сл. *юха* – «ухопарень, пролаз, бойкий, продувной» [4, с. 460]. Такие значения оппозиционны по отношению к героям Платонова с этим именем. Зато с ними коррелирует значение, производное от слов *юродивый, юрод*, что неоднократно отмечалось в работах

платоноведов. Юродивый, безумный, дурачок – это характеристики типичного платоновского героя. При этом в художественном мире писателя отсутствует эстетическое и нравственное отторжение юродства. Платонов транслирует народную точку зрения на юродивых, которых простой люд считал божьими глашатаями, видел в «бессознательных поступках их глубокий смысл, даже предчувствование или предвиденье» [4, с. 459]. Наконец, церковью юродство признается особым видом служения Богу. Весь этот спектр значений характеризует героя рассказа «Юшка». Он аскетичен, смиренен, безответен на людскую злобу. Жители деревни говорят о Юшке как о юродивом: «блажной, непохожий», «божье чучело», «юрод негодный».

Отметим в слове *юродивый* еще один смысл, актуальный для трактовки образа. Этимологически слово *юродивый*, *юрод* близко к слову *урóдливый*, *урод*. Односельчане видят в Юшке лишь его внешнюю оболочку – некрасивость и «ветхость». Первоначальная характеристика подчеркивает неприглядность еще нестарого сорокалетнего человека: «Он был мал ростом и худ; на сморщенном лице его, вместо усов и бороды, росли по отдельности редкие седые волосы; глаза же у него были белые, как у слепца...» [13, с. 518]. Рваная ветхая одежда, старческая походка довершают портрет Юшки. Интересно, что в рассказе уродство героя не связано с некрасивостью лица или тела. Напротив, сквозь дыры ветхой одежды Юшки было видно «белое тело» – такое же, как у всех людей. Уродство героя, по мнению селян, в его неумении жить как все, неспособности лгать, выгадывать лучшее, получать удовольствия. Юшка равнодушен к деньгам и тем благам, которые они дают.

Мотив уродства в рассказе «Юшка» и других произведениях Платонова автобиографичен. Еще в 1927 году, в письме к жене от 3 июля, он написал: «...Я не гармоничен и уродлив – но так и дойду до гроба, без всякой измены себе...» [2, с. 230]. Как урода от литературы воспринимали Платонова и некоторые его товарищи по перу. Об этом свидетельствует «творческий вечер» Платонова (февраль 1932 года), а на самом деле кампания «проработки» писателя за публикацию хроники «Впрок». Платонову пришлось выслушать жесткую критику, оправдываться за «совершенные ошибки». Неуважительный тон Селивановского, Тарасевича, Слетова и др. на вечере напоминает грубые речи мужиков, избивающих Юшку. В высказываниях «товарищей» по перу звучат такие характеристики творчества Платонова: «обреченность», «кулацкий уклон». Тон критики передают высказывания: «...нота какой-то жертвенности довлеет над всей пьесой. Это ее <...> идеологический порок», «...ты похож на того алкоголика, который жалуется, что помирает от водки...», «в каждом звуке платоновского голоса слышится что-то ехидное» [15, с. 304, 309, 310]. Добавим сюда статьи в газетах и журналах, на все лады ругающие автора «Впрок», и сложится картина избиения человека, которому нечем ответить на удары. А между тем многие из писателей признавали за Платоновым талант необычайной силы и говорили о его гениальности, но ни у кого из них не хватило смелости встать на защиту товарища.

Рассказ «Юшка» написан во второй половине 1930-х годов, когда его автор переживал последствия идеологической проработки и пытался по совету «товарищей» «выпрямить» свой литературный стиль. Платонов много писал, но его рассказы не печатались. В этой обстановке он обретал новый голос, в котором на смену язвительности приходил тонкий лиризм и острая жалость к страдающему человеку. В записных книжках 1936–1937-х годов много зарисовок нового героя – ущербного, несчастного, отринутого обществом:

«Трагедия оттертости, трагедия “отставленного”, ненужного, когда строится блестящий мир...», «Глухонемая женищина в Острове <...> Ее брат – больной душой, уязвленный псих, болезнью особого рода», «Пришли слепые: 39 лет женищина и мужчина лет 40–45 <...> Он живет со слепой, а у нее от прежнего мужа, зарезанного в драке, очаровательная девочка 8 лет Катя – с большими глазами, в

которых, однако, есть нечто от болезни: она тоже ослепнет позже» [12, с. 183, 196, 199].

Приведенные записи свидетельствуют о том, что и в середине 1930-х годов Платонов ищет в сложившейся вокруг него общественно-литературной ситуации истоки будущих образов, транслирующих личную драму писателя.

Рассказ «Юшка» считают ответом Платонова на критику А. Гурвича [7, с. 116]. Действительно, автобиографический контекст рассказа не вызывает сомнений. Даже возраст героя (сорок лет) Платонов сделал близким своему. Однако интертекстуальное поле рассказа гораздо шире. Еще в 1920-х – начале 1930-х годов критики отмечали юродство героев Платонова (М. Горький назвал их «чудаками» и «полоумными», Майзель – «люмпенами» и «юродивыми»), однако никто из критиков на личность автора не переходил. Впервые персональное обвинение в юродстве Платонову бросил А. Селивановский, который назвал литературное поведение Платонова «юродством» «в самом неподходящем для юродства месте» (цит. по: [10, с. 148]). Что на это мог возразить Платонов? – ответить по-писательски, явить миру героя, стоически переносящего людскую злобу, но в глазах которого стоят «неостывающие слезы»:

У взрослых людей бывало злое горе или обида, или они были пьяными, тогда сердце их наполнялось лютой яростью. Увидев Юшку, шедшего в кузницу или ко двору на ночлег, взрослый человек говорил ему:

– Да что ты такой блажной, непохожий ходишь тут? Чего ты думаешь такое особенное?

Юшка останавливался, слушал и молчал в ответ.

– Слов у тебя, что ли нему, животное такое! Ты живи просто и честно, как я живу, а тайно ничего не думай! <...>

И после разговора, во время которого Юшка молчал, взрослый человек убеждался, что Юшка во всем виноват, и тут же бил его. От кротости Юшки взрослый человек приходил в ожесточение и бил его больше, чем хотел сначала, и в этом зле забывал на время свое горе [13, с. 520–521].

Слова мужика «ты живи просто и честно, как я живу, а тайно ничего не думай!» прямо смыкаются с обвинениями критиков, которые пытались «подровнять» Платонова под шаблон. С некоторыми из них писатель в начале московского периода своей жизни был дружен. Например, А. Фадеев был вхож в его дом, однако и он разразился в 1931 году ругательной статьей. Не к нему ли были обращены слова героини рассказа Даши: «Любят-то они по сердцу, да бьют тебя по расчету» [13, с. 521]. Смысл этих слов, не понятных в тексте рассказа (в самом деле, из какого такого расчета дети бьют Юшку?), проясняется, как только они сопоставляются с литературной ситуацией вокруг автора «Впрок».

Рассказ не был опубликован при жизни Платонова, хотя писатель предлагал его редакциям [8, с. 24]. В ответ Платонов получил новую порцию обвинений в антисоветскости. Прижизненная критика, несомненно, чувствовала автобиографический характер рассказа, но вела себя точно так же, как односельчане, избивающие Юшку за то, что он не похож на других людей. Например, Ю. Либединский отметил христианский пафос рассказа: «смирennemудрый Юшка, воплощение христианской морали, подставляющий правую щеку, когда его бьют в левую <...> достоин осмеяния...» [8, с. 36].

Христианская составляющая образа, отмеченная Ю. Либединским, начинает взаимодействовать с тем значением слова «юшка», которое восходит к просторечному названию заслонки, задвижки в русской печи – *вьюшке*. Как вьюшка выпускает в дымоход только вредные продукты горения, но сохраняет жар в печи, так и Юшка-Ефим служит заслонкой от людской глупости и жестокости, пропуская через себя зло и оставляя в мире добро. Но, к сожалению, критика 1930-х годов расставляла акценты совершенно иначе.

Юшка знает, что он нужен на земле, что у него есть высокая миссия. «...Мне нельзя помирать», – говорит он Даше [13, с. 523]. Однако в силу неразвитости ума герой не может выразить это высоким слогом, тогда как именно высокий слог требовался бы, чтобы определить его жизненное предназначение – служить людям, быть громоотводом зла и слепой ярости.

Возможные прототипы героя

Несмотря на то, что Платонов не любил сохранять за героями имена своих прототипов, истоки имени Юшка, на наш взгляд, следует искать в среде близких Платонову людей. А таких пересечений в биографии писателя обнаруживается достаточно. Так, крестным отцом самого Андрея Платонова был Евфимий Дмитриев Астахов [9, с. 23]. Крестным сына Платона в 1925 году стал Георгий (Юрий) Стефанович Малюченко [1, с. 93]. Платонов трепетно относился к сыну, и можно с уверенностью утверждать, что он не мог быть равнодушным к человеку, взявшему ответственность за его ребенка перед церковью. Не случайно в записных книжках 1935–1936 годов Платонов записывает сюжет будущего произведения, где два брата носят фамилию Малюченко [12, с. 177].

Крестным отцом Платонова в литературе стал Георгий (Юрий) Захарович Литвин-Молотов (1898–1972) – партийный и общественный деятель, до 1921 года представитель комитета партии Коммунистического союза журналистов Воронежа. Именно благодаря Литвину-Молотову в июле 1920 года состоялся первый поэтический вечер Платонова [3, с. 15], а также была издана книга стихов «Голубая глубина» (1921). И хотя отношения с последним у писателя не всегда были ровными, но Платонов признавался, что без Литвина-Молотова он не состоялся бы как писатель.

В дискурсе платоновского Юшки неожиданно оказывается писатель, до 2014 года не попадавший в поле зрения платоноведов [7]. Это Демьян Бедный, полное имя которого Ефим Александрович Придворов (1883–1945). Бедный входил в круг московских знакомых Платонова. Супруги Платоновы между собой и с друзьями называли его запросто – Юшка. Так, в письме А.И. Вьюркову от 27 августа 1939 года читаем: «Приедешь – поедем на денек к *Старому Юшке*. Будешь ему писать – сообщи, что я приветствую этого труженика, что существует где-то в Мамонтовке, охраняемый одним сонным кобелем» [2, с. 458]. Демьян Бедный вряд ли был похож на платоновского кроткого героя. Скорее, в нем реализовалось противоположное значение имени: «ухо-парень, пролаз, бойкий, продувной» [4, с. 460]. Однако и в судьбе удачливого литератора, вхожего в высокие партийные круги, лично знакомого со Сталиным, в середине 1930-х годов далеко не все было гладко.

В 1930-м году Демьян Бедный опубликовал в газете «Правда» цикл сатирических рассказов о деревне. За публикацию поэмы «Без пощады» он подвергся жесткой партийной критике: 6 декабря 1930 года вышло постановление секретариата ЦК ВКП(б) «О фельетонах Демьяна Бедного», в котором писатель был обвинен в «охаивании России и русского». На деле это было наказанием, во-первых, за близкие отношения с Троцким, который в середине 1920-х годов назвал Демьяна Бедного «большевиком поэтического рода оружия», а во-вторых, за чрезмерную уверенность в том, что ему позволены любые темы, даже запретные (Демьян Бедный коснулся такой «деликатной» политической темы, как крестьянские восстания, прокатившиеся по стране). С этого момента поэт впал в немилость, не помогли ни его авторитет старого партийца, ни слава пропагандиста, ни письма к Сталину. В 1938 году он был исключен из партии, формально – за бытовое «моральное разложение», но на самом деле за его скептическое отношение к колхозам и недовольство положением крестьян. Так, по донесению И.М. Гронского, на вопрос к Демьяну Бедному, почему он не пишет о колхозах, он ответил: «Вы вот все говорите о колхозах, об успехах, а народ голодает. Надо еще посмотреть, что даст нам колхозное движение» [5].

Жизнь Демьяна Бедного покатила под откос, он был выдворен из Кремля и переселен в старый дом № 16/ 2 на Рождественском бульваре, который не любил и называл «крысиным сараем с фанерными перегородками», «загаженной задницей барского особняка» [5].

Дружеские отношения Платонова с Бедным могли завязаться в начале 1930-х годов, когда тот входил в партийную группу ССП [10, с. 269], однако об этом не сохранилось никаких свидетельств. Но гораздо ближе Платонову стала судьба Бедного, когда тот почувствовал на себе карающую руку партии. Оба писателя считались сатириками, жили недалеко друг от друга (Платонов на Тверском бульваре, Бедный – на Рождественском). Оба публиковались в 1920-е годы в газете «Беднота», в журнале «Новый мир», наконец, оба подверглись критике, инспирированной Сталиным. Были у них и общие знакомые. Например, писатель А.И. Вьюрков, с которым Платонов ездил на дачу к опальному поэту. О тесных личных контактах свидетельствует то, Бедный был гостем на свадьбе сына Платонова Платона в начале 1941 года [2, с. 465].

Демьян Бедный был знаком с текстом рассказа «Юшка», более того, в платоновском окружении имя Юшки сделалось нарицательным. Любопытно, что в приведенном выше письме Платонова Вьюркову есть приписка, сделанная Марией Александровной Платоновой, где она называет Юшкой уже своего супруга: «Здравствуй, милый мышьяк! Спасибо за память, за привет. <...> О делах Юшка все написал, пока утешаться нечем» [2, с. 461]. Мария Александровна лучше других знала мужа, его умение довольствоваться малым, способность отказывать себе в еде и одежде, его любовь к людям, близкую к самопожертвованию – все это давало ей основания называть супруга именем юродивого. В словах Марии Александровны сквозит ирония и легкое недовольство по отношению к Платонову, не умеющему жить, не способному обеспечить семье безбедное существование, дачи, курорты. Тема денег, вернее, их нехватки – лейтмотив переписки супругов. Стремясь обеспечить семью, Платонов, подобно Юшке, был готов отдать все, продать свои вещи, лишь бы жена ни в чем не нуждалась: «Купила ли ты себе ботики? Если не купила, сразу покупай, как я переведу тебе деньги», «Я сделаю все, чтобы было удобно тебе», «Я хочу тебя попросить немедленно продать мой гражданский костюм и башмаки. <...>. Я знаю, у тебя нет денег, а тебе нужно хорошо питаться, нужно пить молоко», «...немедленно продай мою гражданскую (всю) одежду и на эти деньги питайся как можно лучше» [2, с. 200, 234, 561, 566]. Стремление отдавать, не требуя ничего взамен – подвиг самоотречения, и в этом Платонов похож на своего героя. Так автор имплицитно становится частью дискурса рассказа.

Однако несомненно, что образ Юшки собирательный. В него органично вошли черты многих людей, в том числе «старого Юшки» – Демьяна Бедного.

Положительный герой

«Все мои последние сочинения – история моей собственной души», – писал Гоголь в «Выбранных местах из переписки с друзьями». Это в полной мере относится и к Платонову. Он признавался жене, что пишет кровью сердца: «Настоящий писатель – это жертва и экспериментатор в одном лице. Но не нарочно это делается, а само собой так получается. Но это ничуть не облегчает личной судьбы писателя – он неминуемо исходит кровью» [2, с. 228]. Работая, Платонов всегда погружался «в свою томящуюся душу» [2, с. 228]. Не случайно поэтому в его творчестве «душа» – один из главных концептов, который неизменно присутствует в произведениях разных лет.

Откликаясь на призыв советской критики создавать положительного героя эпохи, Платонов выводит на литературную арену персонажей с отзывчивой, младенческой душой. Юшка именно таков. Его душа чиста и безыскусна, как у ребенка.

История героя рассказа «Юшка» получает продолжение в рассказе 1938 года «На заре туманной юности», что дает основание говорить о них как о *дилогии*. Героиня

рассказа «На заре туманной юности» Ольга, рано осиротевшая, испытывавшая на себе жестокость людей, не озлобилась на мир, нашла в нем свое место, стала настоящей героиней времени, способной на труд и подвиг (спасла от крушения поезд). Ольга трогательно привязана к полуторагодовалому ребенку Юшке, который считает ее своей матерью. Девушке нравилось в мальчике то, что «взяв сначала, он отдавал обратно ей все, что она ему дарила, и прибавлял к тому еще что-нибудь лишнее, что у него было в люльке или на полу» [13, с. 501]. Маленький Юшка делился всем, не умея наслаждаться в одиночестве: «Он ел с охотой в том случае, если няня тоже ест с ним» [13, с. 501]. Платонов подчеркнул в облике ребенка характерную для своих любимых героев черту – умение терпеливо переносить невзгоды: «...он обычно не плакал и терпел без раздражения и обиды свои младенческие невзгоды» [13, с. 501].

Переключка образов создает удивительный эффект: старый Юшка умирает, но на свет появляется новый. Он пока еще ребенок, но все лучшие черты старого Юшки перешли к нему: доброта, щедрость, незлобливость и стойкость. Его младенческая душа чиста – а это дает надежду на то, что праведные люди жить на свете должны, без них мир станет темным. В этой связи образ Ольги высвечивается не только в производственном ключе, на него проецируется литературная ситуация – проблема писателя и власти. Ольга, устремленная в будущее, «правильная» героиня эпохи, становится *защитницей Юшки*. Ольга заботится о нем, растит его, даже пытается кормить своей девической грудью, в которой еще нет молока. Самоотверженное поведение героини – упрек литературным чиновникам, предпочитающим заботе о росте писателя грубое битье. Любовь Ольги к Юшке – это образец отношения сильного к малым и слабым.

Платонов понимал, что идеального героя эпохи ему не найти среди взрослых людей, поэтому в 1930-е годы его взгляд устремился к малым и слабым – к ущербным, юродивым героям, а также детям и юным девушкам, еще не утратившим природной доброты и чистоты.

Подводя итог сказанному, отметим, что текст художественного произведения – широкое дискурсивное пространство, в котором в кодированном виде и одновременно в симбиозе находятся многочисленные факты жизни писателя, людей ближнего и дальнего окружения, движения писательской души, отсылки к другим более или менее известным текстам. Писатель-мастер подчиняет все многообразие дискурса единому замыслу, предлагая читателю особые знаки, через которые постигается общий смысл произведения. Имя Юшка, начиная с 1930-х годов является именно таким знаком, в котором звучание и система значений идеальным образом слиты воедино и создают узнаваемый и чрезвычайно сильный образ страдающего добра.

1. Андрей Платонов. Личное дело. Научно-популярное издание. Воронеж: дирекция Платоновского фестиваля, 2013. 304 с.
2. Андрей Платонов. «...Я прожил жизнь». Письма. 1920–1950 гг. М.: Астрель, 2013. 685 с.
3. Антонова Е.В. Воронежский период жизни и творчества А.П. Платонова. Биография, текстология, поэтика. М.: ИМЛИ РАН, 2016. 784 с.
4. Даль В.И. толковый словарь живого великорусского языка. Т. 4. М.: Отма-пресс, 2004. 576 с.
5. Ишков С. Большевики избавились от Бедного Демьяна // Портал «Мосправда-инфо» <http://mospravda.ru/2020/07/11/158281>.
6. Колесникова Е.И. Русское сознание в творчестве А. Платонова // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 1996. № 4. С. 147–154.
7. Корниенко Н.В. Андрей Платонов и Демьян Бедный (Предварительные заметки) // Творчество А. Платонова. Проблемы интерпретации и восприятия. Воронеж. Наука-Юнипресс, 2014. С. 94–133.
8. Корниенко Н.В. «Добрые люди» в рассказах А. Платонова к. 30–40-х годов. Предварительные текстологические заметки // Вестник ТГУ. 1999. Вып. 3. С. 24–37.
9. Ласунский О. Житель родного города. Воронежские годы Андрея Платонова. 1899–1926. Воронеж: Центр духовного возрождения Черноземного края, 2007. 280 с.

10. Малыгина Н.М. Андрей Платонов и литературная Москва. СПб.: Нестор-История, 2018. 592 с.
11. Матвеева И.И. «Сокровенный человек» А. Платонова как новый литературный тип // Словесное искусство Серебряного века и Русского зарубежья в контексте эпохи. Сборник. М.: МГОУ, 2016. С. 235–363.
12. Платонов А. Записные книжки. Материалы к биографии. М.: Наследие, 2000. 424 с.
13. Платонов А. Счастливая Москва. Очерки и рассказы 1930-х годов. Собрание. М.: Время, 2010. 624 с.
14. Спиридонова И.А. «Узник»: образ Сарториуса. // «Страна философов» Андрея Платонова: проблемы творчества. Вып. 3. М.: ИМЛИ РАН, 1999. С. 303–311.
15. Стенограмма творческого вечера Андрея Платонова в ВССП 1 февраля 1932 года // Андрей Платонов. Воспоминания современников. Материалы к биографии. М.: Современный писатель, 1994. С. 293–317.
16. Яблоков Е.А. Хор солистов: Проблемы и герои русской литературы первой половины XX века. СПб.: Дмитрий Буланин, 2014. 776 с.

Мирзоева В.М., Аксенова Е.Д., Мирзоева Е.З.

**Методические формы и приемы обучения иностранных студентов-медиков
русскому языку**

*ФГБОУ ВО «Тверской государственный медицинский университет»
Министерства здравоохранения РФ
(Россия, Тверь)*

doi: 10.18411/sr-10-12-2020-23

idsp: sciencerussia-10-12-2020-23

Аннотация

В центре внимания данной статьи – виды речевых произведений (дискуссия, тематический диалог) в аспекте развития устной речи иностранных студентов-медиков в практике обучения русскому языку как иностранному, особенности методических приемов, способствующих расширению лингвистической и профессиональной компетенций иностранного обучающегося.

Ключевые слова: развитие устной речи, язык медицинской специальности, дискуссия, диалог врача с больным, методические приемы

Устная разговорная речь является единственной формой речи, с помощью которой устанавливаются и поддерживаются межличностные отношения неформального характера. Выделяя один из видов разговорных речевых произведений – дискуссию, - следует обратить внимание на то, что он обладает большей степенью независимости темы от ситуации, значительной протяженностью, развернутостью реплик, приближающихся к монологическим. В структурном отношении единицей членения такого диалога является сегмент, который может быть равен слову, словосочетанию, предикативной единице. В коммуникативном плане данный тип речи теснейшим образом связан с индивидуальностью говорящего. Коммуникация здесь просто не может состояться, если в процессе общения собеседники не способны раскрыть личностный фон друг друга: особенности восприятия мира каждым из них, шкалу ценностей, присущую данной конкретной личности, ее стремления, мотивы, знания. С другой стороны, дискуссия – это постижение личности другого человека, раскрытие мира в нем и через него. Таким образом, умение вести дискуссию, особенно на профессиональные темы, неизбежно связано с обращением к языковой личности собеседника. «Лингвистический и смысловой анализ» дискуссии в сфере медицины «приобретает важное значение для иностранных специалистов в сфере профессионального обучения» [1].

Дискуссия как одна из форм устной речи предполагает обсуждение спорного вопроса для выяснения разных точек зрения с целью добиться истины. Участие в дискуссии требует от иностранных студентов сложной речемыслительной